

Размышления

Сэтоши Мотидзуки

Прошло лето, началась осень. Жизнь его ничем не отличалась от жизни, которую он проживал несколько лет. Постепенно ушло в прошлое знакомство с Маргаритой, встреча с дядей и его женой, со своей маленькой сестрой, и все окончилось отъездом Джуна. Та страница жизни была закончена, и нужно было только найти силы и время двигаться дальше, постепенно возвращаясь к работе заместителем финансового директора.

Но было летом что-то хорошее. Он первый раз в жизни спел песню на глазах своих коллег, и, если не брать тот факт, что случайно выбранная песня вытащила на волю столько много воспоминаний из прошлого, получилось все очень красиво. Вскоре сотрудники, которые были на этом мероприятии, забыли и о появлении Мотидзуки Шотаро, и о том, что он выглядел несколько иначе, услышав песню, но вот голос Сэтоши и его чувства в момент исполнения никто не смог забыть. Поэтому не было ничего удивительного, что его стали чаще и настойчивее приглашать на такие мероприятия.

Через три или четыре посещения он нашел это достаточно интересным, но все равно старался много не разговаривать, не открывать свою душу. Теперь он старался петь не только лирические песни, но и что-то веселое и зажигательное. И если лирические песни у него получались чувственными и проникновенными, а та самая песня уже не вызвала ассоциаций, от которых хотелось убежать, закрыться, спрятаться, то для полноценного звучания веселых песен в его глазах часто не было тех самых искорок, которые обычно сопровождают людей во время веселья. Он до сих пор не умел и не хотел веселиться, почти ничего не пил. Но он был таким.

На работе тоже были небольшие изменения. Он старался понимать, анализировать, и благодаря какому-то его участию очередная сделка прошла успешно. Он был доволен собой и не заметил, что отец снова остался чем-то недоволен. Но это была такая мелочь по сравнению с его чувствами и ощущениями, что он не стал обращать на нее внимания. Жаль только, что не с кем это обсудить...

И сегодня он снова сидел на работе. Вечером должен быть корпоратив, но он не был уверен, что пойдет на него. Хотя вряд ли случится что-то серьезное... Так он думал ровно до того момента, пока ему не позвонили с ресепшна и не сообщили о посылке, которую прислал курьер. Он нахмурился и, разобравшись с делами, направился за посылкой.

Маргарита Эрнандес

Пекин, Китай

Лето закончилось, и за ним последовала осень, быстро возвращающая все на свои места и затягивающая в вихрь постоянной работы, которой с каждым днем становилось все больше и больше, словно кто-то специально решил не давать ей

времени на тяжелые раздумья. И она, в этой постоянной суете, наверное, забыла бы о некоторых подробностях своей поездки в Японию, если бы не цветок, который она умудрилась не только привезти с собой в Пекин, но и сохранить в относительно приличном состоянии до настоящего времени, хотя это и требовало от нее нечеловеческих усилий.

А еще, отчасти из-за этого цветка, те мысли, которые исчезали в постоянных заботах дневных часов, возвращались по вечерам, когда она оставалась в своей пустой маленькой квартирке одна и начинала вспоминать, то, что хотелось и то, что она предпочла бы навсегда оставить в своем прошлом и больше никогда к этому не возвращаться. Так что в один прекрасный вечер она приняла решение, к которому шла уже много лет и которое заиграло новыми красками, после ее знакомства с Сэтоши.

Маргарита до сих пор хранила старую флейту своего брата, хоть и перестала везде таскать ее с собой. Она так рьяно учила людей думать о своем будущем и принимать самостоятельные решения при том, что сама постоянно тащила за собой груз прошлого, что это становилось даже смешно. И обидно по отношению к самой себе и собственной жизни, которая на проверку оказывалась ничуть не лучше жизни людей, которых она подбивала на глобальные изменения. Поэтому, определившись с тем, что ей следует сделать, чтобы помочь себе и, возможно, одному хорошему человеку, Рита, просмотрев десятки сайтов, нашла адрес офиса компании Мотидзуки, который смогла разобрать, и села за написание письма, надеясь, что Сэтоши читает по-английски так же прилично, как и говорит на нем.

Сэтоши,

наверное, моя посылка и это письмо станут для тебя неожиданностью, но иногда человек начинает чувствовать острую необходимость что-то сделать, поскольку понимает - это правильно. Вот и сейчас я знаю, что не могу поступить иначе, хоть это и может показаться тебе блажью полусумасшедшей европейской девицы.

С момента нашей встречи прошло уже немало времени, но я до сих пор хорошо помню наши разговоры. Наверное, в чем-то я тогда была неправа, считая, что лучше твоего знаю, как тебе правильно жить и кого слушать или не слушать. Но мое желание помочь тебе понять, чего хочешь ты сам и научиться бороться за свое право оставаться собой было искренним и, как это не глупо, оно не пропало до сих пор. Надеюсь, ты простишь мне мою навязчивость, ведь, в любом случае, принимать решение, что делать с моей посылкой будешь только ты.

В посылке, как ты уже, наверное, увидел - флейта. Да, она старая и неказистая и наверное ее проще выбросить, чем научиться на ней играть, но дело в ее значении. Когда-то она принадлежала моему брату, а после его смерти стала моей постоянной спутницей. Ни он, ни я так и не научились на ней играть, но, мне кажется, сейчас пришло время что-то менять, и мне бы очень хотелось, чтобы она хотя бы раз смогла поделиться с окружающими много лет дремавшей в ней музыкой. Надеюсь, то, что так долго тащило меня в прошлое, сможет для тебя стать символом нового

будущего, такого, каким бы ты хотел видеть его сам.

P.S. Спасибо тебе за все и, пожалуйста, почаще улыбайся. Мало что меня впечатляло так же сильно, как твоя улыбка.

P.P.S. Хосе (да, я чокнутая, которая дает цветам имена) все еще жив и если бы мог, наверняка, передавал тебе привет (да, я чокнутая, которая общается с растениями) или поклон, не знаю, что там принято в Японии.

Маргарита.

Письмо переписывалось раз пять прежде чем рыжая, устав думать на темы: "Писать ли "дорогой Сэтоши" или просто "Сэтоши" или "Ограничиться ли только своим именем в конце или указать что-то перед ним, не наводя, при этом, на неправильные мысли", решила остановиться на самых нейтральных вариантах. Разобравшись с письмом, упаковать флейту вместе со своим немного сумбурным посланием, найти подходящую доставку и отправить посылку в Японию - было технически ерундовым делом. А вот в последний раз коснуться пальцами каждой знакомой царапины на старом музыкальном инструменте и сказать ему "прощай", понимая, что своим поступком перерезает последнюю ниточку, связывающую ее с братом, было намного труднее. Но, собравшись с силами и сделав запланированное, Маргарита почувствовала облегчение, словно сняла с себя тяжелый груз, долгое время давивший ей а плечи. И она очень надеялась, что ее поступок поможет и Сэтоши избавиться от чего-то ненужного, а взамен приобрести что-то новое, способное сделать его жизнь ярче и прекраснее.

Сэтоши Мотидзуки

На ресепшне стоял курьер с посылкой. Сэтоши расписался в бумагах и, хмуро посмотрев на администратора, направился в свой кабинет. Ему повезло, что никто не встретился на его пути - ему совершенно не хотелось с кем-то это обсуждать. Сев за стол он вскрыл ее и вытащил флейту и письмо. Долго смотрел на флейту. Она была старая и, наверное, она была очень дорога владельцу. Отложив флейту на стол, он стал читать письмо.

С первых строк он понял, что письмо написала Маргарита, та самая девушка, с которой он встретился после церемонии венчания и про которую помнил все это время, тщательно пытаясь забыть. Неожиданно в памяти всплыл поцелуй, который был в аэропорту. Он прикрыл глаза, слабо улыбнулся и облизал губы, будто на них мог сохраниться вкус поцелуя. Он был удивлен, что она его помнит, но больше расстрогался, когда она написала, то дарит ему свою флейту. Это была флейта ее брата, который погиб. Он вздрогнул и, дочитав письмо до конца, прижал его к своей груди.

Ее письмо его расстрогало, и он не знал, как реагировать. Но работать он теперь больше не мог. Захотелось написать ей письмо в ответ, но он подумал, что это будет неправильно. Потому что на этом их история должна закончиться. Каждый участник этой истории имеет у себя какую-то маленькую частичку другого, и это будет о чем-то напоминать. О чем-то прекрасном. И хорошем.

Он аккуратно сложил письмо и убрал в обложку паспорта. Паспорт он всегда носит с собой, и никто не узнает, что в обложке есть помимо паспорта. А флейту убрал в портфель. И вернулся к работе.

Только вот не было настроения. Он просто смотрел в монитор, и ему хотелось уйти. Прогуляться. Забить на работу. И поговорить с кем-нибудь.

Он выключил компьютер и вышел из кабинета. Проходя мимо кабинета отца, он услышал его крики и что-то похожее на блеяние овцы. Судя по голосу, это был Танака-сан, который вечно что-то делал не так, чем начинал нервировать и бесить финансового директора. Сэтоши хмыкнул и направился дальше по коридору. Где-то слышался смех, но его мысли сейчас были очень далеко от этой реальности. Он вспоминал Маргариту, утро в отеле, разговоры с ней. И он хотел снова ее увидеть.

Он пошел в бар. Было шумно, но это ему не мешало. После двух кружек пива настроение ухудшилось, и он, расплатившись, направился в сторону дома... бабушки. Он не мог ответить, почему именно он хотрл пойти к бабушке, но для себя решил, что просто захотел ее навестить. Наверное, это будет глупо. Но он нажал на звонок...

Путеводная Нить

Сегодняшний день Фуэми назвала бы одним из самых скучных дней за последнюю неделю. Рюхей и Рюичиро с самого утра торчали на работе, Эри, к чьему постоянному присутствию она уже успела привыкнуть, отправилась навестить родителей, а свекровь весь день занималась какими-то своими делами в кабинете мужа, куда ей самой намекнули не соваться. Что было очень обидно, поскольку она вкладывала в этот дом не меньше своих сил и времени, чем сама Чиеко Мотидзуки, но, при этом, несмотря на свой возраст, переваливший за пятьдесят, так и осталась у свекрови кем-то вроде девочки на побегушках.

Чтобы хоть как-то себя развлечь, Фуэми отдала кое-какие распоряжения на кухне, которые, как она прекрасно понимала, ничего не решали, но которые позволяли ей почувствовать свой статус хозяйки дома, пусть тот и был пустой формальностью из-за авторитета свекрови, против которого никто не решился бы сказать ни слова. И, покончив с этим занятием, она было совсем загрустила, как в дверь раздался звонок, предвещающий хоть какое-то разнообразие в ее похожих один на другой буднях. Так что Фуэми тут же поспешила к двери, прикидывая, кто бы это мог быть, и какое развлечение ей могло принести появление неожиданного гостя.

- Сэтоши, дорогой, проходи скорее. - Визит бестолкового племянника, над которым так весело было подтрунивать, вызвало на ее губах довольную улыбку, которая только расширилось, когда она своим тонким обонянием уловила идущий от него запах пива. - Я смотрю, ты не терял времени даром. Что же ты сегодня один, без матери? Хотя вряд ли бы ты распивал пиво с милейшей Мизуки.

Фуэми прикрыла рот ладошкой в притворном смущении. Она не очень любила начинать сразу с подколов, предпочитая постепенно втягивать человека в беседу на своих условиях, но свекровь, моментально возникавшая в гостиной подобно

злобному духу, не давала ей сильно развернуться, поэтому приходилось урывать минуты для своих нехитрых развлечений, хотя бы немного скрашивающих ее монотонную жизнь, состоящую из домашних дел и непроходимой скуки.

Сэтоши Мотидзуки

Когда ему ожидаемо открыла дверь тетя Фуэми, он обреченно вздохнул и покачал головой. Почему-то покраснел, когда она услышала пивной запах, идущий от него. Опустил голову и стал рассматривать свои ботинки. Раньше ему удавалось не обращать на нее внимания, но сейчас было какое-то странное чувство опустошения и одиночества, что хотелось что-то сделать, чтобы стало не так одиноко. Напиться? Забыться? Или сделать что-то еще, что было для него не характерным поступком? Или просто с кем-то поговорить?

Воспоминания о Маргарите вывернули наизнанку его душу, и он покрепче сжал ремень своего портфеля. Он не мог ее забыть, он хотел ее снова увидеть. Он знает, что это невозможно, что они никогда больше не встретятся. Ее нежные прикосновения губ к его щеке, вкус поцелуя на губах, трогательное письмо... этого не хотелось забывать. Их забавные разговоры следующим утром после того, как они проснулись на одной кровати. Конечно, тогда они не были забавными, но сейчас он понимал, что она с чем-то была права. Он должен жить своей жизнью, даже если эта жизнь сильно отличается от той, которой он сейчас живет. Ведь ему это даже нравится. И у него даже что-то иногда получается.

- Оба-сан, я тоже рад вас видеть, - хмыкнул он. - И это не ваше дело, мне кажется, чем я занимаюсь.

Он никогда раньше не позволял себе такого рода вольности, но сейчас ему было все равно. Он посмотрел на тетю и хмыкнул. А еще ему в данный момент показалось забавным обращение и ее последующая реакция. Ведь и к бабушке они обращаются "о-ба сан", только в случае с бабушкой слог "ба" произносится растянуто - "баа". И тетушка Фуэми очень не любит, когда к ней так обращаются...

Путеводная Нить

Фуэми всегда считала, что Мизуки в тайне от своего мужа слишком много позволяла своим мальчишкам, что, в итоге, привело к отъезду одного и совершенной бесполезности другого, но, по крайней мере, раньше они отличались приличными манерами. А сейчас племянник начал откровенно грубить, да еще и обращаться к ней так, как она того терпеть не могла, специально стараясь ее разозлить. Но Фуэми неплохо усвоила материнскую науку всегда улыбаться и скрывать свои истинные эмоции, поэтому она никак не выказала свое недовольство, вместо этого улыбнувшись еще шире.

- Ну что ты, дорогой племянник. Мы же все просто за тебя переживаем. А то ты в последнее время стал как-то много пить. Или надеешься снова напиться настолько, чтобы оказаться в постели у какой-нибудь европейской блудницы?

Смешная история про то, как напившись на свадьбе Тору, Сэтоши остался в номере у одной из подружек Яреци, уже давно стала достоянием всей семьи. Тем более что его возвращение за женской сумочкой видела она лично и конечно не могла не

выяснить, что за этим последовало, пусть никто и не горел желанием ей про это рассказывать. Но, благодаря своим усилиям, у нее теперь появилась прекрасная тема для шуток и подколов, которую она берегла до подходящего момента.

Не желая останавливаться на достигнутом, Фуэми уже было хотело продолжить подшучивать над племянником, как на лестнице, ведущей со второго этажа, послышались знакомые шаги, заставляющие ее замолчать и отойти в сторону, сетуя, что свекровь в своем преклонном возрасте продолжает обладать отличным слухом и всегда появляется на самом интересном месте, портя все развлечение.

Сэтоши Мотидзуки

Фуэми улыбнулась ещё шире, и от этой улыбки молодому человеку стало не по себе. Он не мог объяснить, чем именно ему сейчас так не нравилась её улыбка, но первым порывом было развернуться и куда-то уйти. Наверное, он бы так и поступил, если бы не слова тётушки про европейских блудниц. Он сжал руку в кулак и болезненно поморщился. Она не имеет никакого права так называть Маргариту. Она не имеет никакого права так говорить о ней. Маргарита была самой красивой, самой доброй и нежной девушкой, хотя, в принципе, она была второй девушкой, с которой он целовался, и ему было неприятно это слышать о ней. Впрочем, от этой тёти ничего другого ожидать было нельзя.

- Тебя не касаются мои отношения с женщинами, - зло прошипел, даже скорее процедил сквозь зубы молодой человек, слегка прищуренно глядя на неё.

Он знал, что за такое неформальное и грубое обращение, показывающее неуважительное отношение к ней, ему может влететь. Наверняка об этом узнает бабушка, передаст это отцу с матерью. Мать, наверное, будет переживать, отец разозлится и снова будет его называть ничтожеством. Но ему сейчас было на всё это плевать.

Сэтоши всегда, сколько себя помнил, старался уважительно относиться к родственникам, никогда не перечил им, был совершенно другим. Он помнил, как дядя Тору что-то говорил отцу про Мизуки, хотя в то время был достаточно мал, чтобы всё понять, он видел, как дядя нарушает все возможные правила, делая всё по-своему, как отец с ним ссорится. Он видел, как Джун в подростковом возрасте начал встречаться с девушками. Но он, Сэтоши, никогда не позволял себе ничего подобного. Он ещё в детстве, видя, что отец какой-то отстранённый после ухода мамы, перестал показывать какие-то чувства. Потом он привязался к Мизуки, стал проводить с ней много времени, что-то ей рассказывал, дарил цветы и помогал ей ухаживать за Джуном. Он был тихим, робким мальчишкой, который действительно всех любил и не хотел никому причинять зла. Он не был обижен на что-то, у него не было бунта в душе, он просто понял, ещё тогда, в детстве, что должен делать что-то для семьи. Он никогда не думал, что можно делать что-то другое.

Но появлением Маргариты открыло ему глаза на многие вещи. Он не знал, что ему делать, но дальше закапывать себя было страшно. Но ведь не может же увлечение цветами или музыкой быть важнее работы, важнее семейного бизнеса? Или просто уйти? Развернуться, уйти? Уехать на другой конец острова, а лучше на другой, и начать жить самому? Но ведь...

Послышались шаги бабушки, и он вздрогнул, поняв, что та наверняка слышала их разговор. Он сглотнул и посмотрел на неё, слегка склонив голову.

Путеводная Нить

Чиеко не ждала гостей, поэтому когда услышала, кто кто-то пришел, решила сразу спуститься и нейтрализовать Фуэми, в случае, если она от скуки или по какой-то другой причине уже начала свою разрушительную деятельность. Но в ее годы трудно было перемещаться с той же скоростью, что и хотя бы лет двадцать назад. Поэтому, к тому моменту, как она оказалась в относительной близости от внука и ставшего неожиданным гостем, тот уже начал цапаться с Фуэми, чего раньше за ним не водилось. Хотя причина его недовольства ей с ее опытом была предельно ясна и крылась, как это обычно бывает у молодых мужчин, в женщине.

- Фуэми, полагаю, Сэтоши пришел ко мне. - Голос Чиеко, как обычно, звучал властно и не оставлял никаких возражений. - А ты, - она бросила взгляд на внука, - следуй за мной.

Женщина по выражению лица Сэтоши прекрасно поняла, что ему нужно поговорить, поэтому решила не тратить время и сразу отвести его в свой небольшой садик, где внук всегда любил находиться. В комфортной обстановке с ним было проще обсудить волнующие его моменты, из-за которых он начал меняться последнее время, чего не мог не заметить ее наметанный глаз.

Оказавшись в саду и вдохнув никогда не надоедающий ей запах цветов, Чиеко присела на скамеечку и кивнула внуку садиться рядом, чтобы тот тоже мог немного расслабиться, вспомнив, сколько раз они с ним так сидели, когда он был еще совсем маленьким, но уже тогда с готовностью вызывался ей помогать своими крохотными ручонками. Она одинаково любила всех своих внуков, но к Сэтоши у нее было особое отношение, поскольку, как ей казалось, он всегда нуждался в поддержке больше, чем другие мальчики.

- Не стоило злить тетю, ты же знаешь, что она злопамятная. Даже если она и сказала что-то о девушке, которая тебе нравится. Хотя, мне было приятно видеть, что ты вступился за ее честь.

Чиеко внимательно посмотрела на внука и покачала головой. Она не знала, как ей относиться ко всей этой истории с одной из приглашенных гостей, но в его возрасте влюбляться было нормально, поэтому женщина предпочитала видеть позитивные моменты, благодаря которым у Сэтоши появлялась возможность, наконец, повзрослеть.

Сэтоши Мотидзуки

Фужми что-то проворчала и ушла, оставив его наедине с бабушкой, которая повела его в свой любимый садик. Он тоже любил этот сад и всегда, когда была такая возможность, старался ей помогать ухаживать за цветами. Ему до сих пор нравилось это увлечение, но оно было таким маленьким и незначительным, что со временем могло бы стереться из его памяти. Но оно не стиралось, позволяя ему наслаждаться таким приятным ароматом цветов.

Бабушка села на скамейку, а он остановился около куста малиновой розы сорта Шопен, который относился к чайно-гибридным сортам. Эту розу в конце двадцатого века вывел польский селекционист и наградил её необычайным и нежным ароматом, который никогда не надоест. Наверное, этот селекционист любил музыку Фредерика Шопена, раз назвал своё творение так. Она действительно, во время цветения, была похожа на музыку этого композитора. Сэтоши присел на корточки и вдохнул приятный аромат с нотками малины, корицы и чего-то ещё. Сейчас роза уже увядала, чтобы по весне распуститься вновь своими красивыми цветами.

Он встал на ноги и мотнул головой от головокружения. Сел на скамейку рядом с бабушкой и посмотрел на неё. Ему показалось, что она не сердилась на него, и он снова опустил голову.

- Баа-сан, - чуть растянул он слог, и вздохнул, - Я... я хотел забыть её, но... я почти забыл её, но... этот поцелуй, когда мы прощались в аэропорту... он был очень страстный. Я даже боялся, что нас заберёт полиция нравов, - он грустно хмыкнул. - Я подарил ей цветок, гардению. А сегодня я получил от неё письмо... и... она очень удивительная девушка. И я, кажется, влюбился в неё...

Если бы он себя видел в зеркале, то не сразу бы узнал, так как был очень красным. Даже, наверное, краснее, чем помидор. Но он действительно не знал, с кем можно это обсудить. И вообще нужно ли это обсуждать с кем-то. Поэтому он опустил голову и закрыл глаза, вдыхая ароматы цветов, таких любимых, от которых ему становилось немного легче...

Путеводная Нить

Сэтоши всегда любил цветы. И всегда внешне казался таким же, как они, нежным и хрупким. Но он был Мотидзуки, поэтому Чиеко не сомневалось, что при необходимости он сможет стать живучим, как сорняк, и пробить себе место даже там, где его, казалось бы, не было. Но до этого ему предстоял еще очень долгий путь, первые шаги по которому внук, похоже, начал делать уже сейчас.

- То, что ты влюбился в эту яркую рыжеволосую особу не заметил бы разве что слепой. - Чиеко с трудом подавила вздох. - Можешь не говорить о ее великих достоинствах. Понятно, что ты сейчас не объективен. И что ты планируешь делать с этой своей любовью?

Когда-то давно подобный разговор состоялся у нее со вторым сыном, в то время помешанном на своей молоденькой смазливой актрисе, которая сама не понимала, чего хочет от жизни. И тогда Чиеко была категорична, объяснив Шотаро, что его выбор ни к чему хорошему не приведет. Но двадцать восемь лет назад она была моложе и неопытнее и даже не догадывалась, что Шо, сделавший во всех смыслах неудачный выбор, будет жить счастливее, чем тот же Рюхей, со своей идеальной партией. Поэтому женщина не собиралась учить внука тому, что правильно, а что неправильно, планируя просто помочь ему разобраться в своих мыслях и чувствах, если, конечно, у нее это получится.

- И что за письмо она тебе прислала? - Чиеко не хотела лезть в личные вопросы, но

этот момент показался ей важным. Ведь именно он так взбудоражил Сэтоши и заставил его обратиться к ней за помощью, чего он не делал с тех пор, как стал взрослым.

Сэтоши Мотидзуки

Аромат цветов уносил его в прошлое, на двадцать лет назад, а может и меньше. Тогда он, пятилетний мальчишка, рыхлил землю вокруг роз тяпкой, помогая бабушке. Тогда он смеялся и что-то рассказывал, но сейчас он не вспомнит уже, что именно, да и те разговоры никогда не имели ничего большего чем разговоры внука с бабушкой. Потом это забылось, он стал взрослее, разговоры стали умнее.

- Обаа-сан, а мне надо всё рыхлить? Вот там и ещё там? - спросил он, вставая с маленькой табуреточки, которая ему была как раз, и разминаясь.

- Если ты устал, то можешь отдохнуть. Хочешь, можем попить чай.

- Нет, я не устал. Я ещё буду рыхлить, - важным голосом, как это делают все дети, которые хотят доказать свою нужность, сказал Сэтоши и, переставив табуретку к другому кусту роз, стал дальше работать...

Это было одно из самых ярких воспоминаний, было ещё много, но он не успел это вспоминать, да и не хотел, так как он пришёл поговорить с бабушкой, а не предаваться этим воспоминаниям. Чтобы что-то вспомнить достаточно пойти в любой парк и наслаждаться ароматом цветов. Тем временем, бабушка высказала свою мысль по этому поводу, и нужно было что-то ответить.

- Я... я знаю, что её надо забыть и отпустить. Я знаю, что мы никогда больше не встретимся. Просто... - Он не нашёлся, что ещё сказать, и задумался над письмом. Он не считал, что имеет право не давать бабушке узнать содержание, но в то же время это было личное. - Ничего особенного. Она написала, что Хосе... гардения растёт у неё на подоконнике, и даже ещё живая, - он усмехнулся.

Его совершенно не это привело в дом бабушки. Наверное, всё навалилось одновременно, он действительно запутался и зарылся в яму чуть ли не с головой.

- Я запутался, баа-сан, совершенно запутался. После отъезда Джуна отец стал требовать от меня больше, чем раньше. Раньше же Джун считал эти отчёты. Но... я понимаю, что должен это делать, мне это даже в чём-то нравится... просто я не знаю, это ли мой путь или нет, - тихо сказал он, боясь поднять на неё глаза. Он не любил, когда бабушка сердилась или была хмурой. Поэтому он стал изучать свои ботинки.

Путеводная Нить

Слушая рассуждения Сэтоши о том, что понравившуюся ему девушку нужно просто забыть и отпустить, Чиэко снова покачала головой. А уж в совокупности с нелепым рассказом о гардении, живущей на подоконнике, заставившем ее приподнять бровь от удивления, все его размышления больше походили на попытку убедить самого себя в том, что от чувств и воспоминаний можно легко избавиться, в которую никто из них до конца не верил. Но раз он решил перевести тему на другое, Чиэко не стала цепляться за проблему его влюбленности, позволяя внуку пока решать ее самому.

- Полагаю, Шо боится, что и ты можешь его оставить, так же как и Джун, и его трудно за это винить. - Для нее, как для матери, горько было видеть переживания сына, но она прекрасно понимала, что Шотаро перегибает палку и своими действиями только добивается обратного эффекта. - Ты не должен на него обижаться... как и следовать каждому его слову.

Чиеко протянула руку и накрыла своей ладонью руку внука, которая стала намного больше с того времени, когда она эта делала в последний раз и теперь заметно превосходила ее собственную.

- Шо в свое время наделал немало своих ошибок, поэтому пытается уберечь от них тебя. Но он не понимает, что прожить свою жизнь чужим умом невозможно. Не ему, ради своей любви выступившему против семьи, учить тебя покорности. Сэтоши - ты уже давно не ребенок, поэтому должен начинать думать сам и принимать свои решения, не важно одобряют их или нет. В этом и заключается взрослая жизнь - совершать поступки и отвечать за них, не надеясь, что кто-то сделает это за тебя.

Чиеко замолчала и отвела взгляд от внука, в очередной раз наслаждаясь красотой и спокойствием своего сада. В своей жизни она и сама допустила немало ошибок, за которые ей пришлось сполна заплатить, но она не боялась принимать серьезные решения, которые и привели ее, в итоге, в этот большой дом с прекрасным садом, созданным ее же руками на некогда абсолютно голой земле.

Сэтоши Мотидзуки

Бабушка не стала цепляться за разговор об удивительной девушке с красивым европейским именем, которое он до сих пор произносит неправильно, и это было хорошо. Он знал, что нужно забыть её, ведь это будет любовь на расстоянии. Нет, можно, конечно, каждый день или неделю созваниваться с ней, болтать, но он не думал, что это такая уж хорошая идея. Потому что она должна жить своей жизнью. Он верит, что она найдёт свою любовь, будет счастлива и сможет остановиться и просто насладиться жизнью. А он... он продолжит жить своей жизнью.

- Я не обижаюсь на отца, - вздохнул он, - я никогда не обижался на него. Просто... я не знаю, как мне объяснить, что... я никогда не мог понять математику, но... я пытался это сделать. Я... наверное, это глупо, но кто-то ведь должен помогать отцу с бумажками. У меня даже как-то что-то получилось, но...

Он горько усмехнулся, поняв, что ведёт себя совсем не так, как подобает вести себя члену семьи Мотидзуки. Он не мог сформулировать свою мысль, он мямлил, и такое было очень часто. Отец и над этой его особенностью часто стебался, что давало ему понять, что его имя совершенно ему не подходит. Потому что обычный человек придёт и чётко расскажет всё, что волнует. А он ничего не может.

Может быть выпитое пиво, а может грусть-тоска, поселившаяся в его сердце после исполнения той песни, которое слышал отец, а может быть всё вместе - всё это делало его ничтожным, и от этого хотелось спрятаться. Уехать. Исчезнуть. Но прикосновение ладони бабушки к его руке дало ему немного уверенности, что любое его решение поддержат. Он двумя руками взял ладонь бабушки и посмотрел на неё.

- Я... Мне Маргарита с письмом передала флейту... я... мне нравится музыка, я даже какое-то время хотел пойти учиться в музыкальную школу. Я не знаю, как это мне поможет в будущем. Или вот цветы. Как мне это всё поможет? Я... - Он глубоко вздохнул. Почему-то захотелось вывалить всё, что лежит на душе. Говорят, это помогает. Говорят, после этого станет легче. Тогда он что-то рассказывал Маргарите на веранде, и ему вроде бы полегчало. Может и сейчас тоже этот способ подействует?

- Баа-сан, летом был корпоратив в честь отъезда Джуна, и меня попросили спеть в караоке. Я... не знал, что это была та песня, что она мне пела в детстве. Я вспомнил её голос, и эту песню случайно услышал отец. Он... выглядел ужасно после этого. Баа-сан, она... моя мать любила его? Она любила меня?

На последнем слове голос чуть дрогнул, и он почувствовал, как в горле защемило. Хорошо ещё, что в глазах не стало щипать, а то плачущий мужчина - это же совсем глупо. Легче ему не стало совершенно, но он понял, что это именно тот разговор, который должен состояться рано или поздно. До этого выступления в караоке он не вспоминал её, но сейчас ему казалось, что этот самый главный и страшный призрак прошлого должен всё-таки выйти на свободу. Неизвестно, что он принесёт с собой, но, вероятно, ничего хорошего. Эта темане обсуждалась никогда в семье.

Он отпустил руку бабушки и, сцепив руки в замочек, стал смотреть на многочисленные цветы. Это походило на театр абсурда. Не так он представлял себе разговор с бабушкой...

Путеводная Нить

Какое-то время Чиеко просто слушала, понимая, что внуку нужно высказать все, что накопилось у него на душе и, чувствуя, что именно за этим он и пришел, а не за ее старческим ворчанием или рассказами о прошлом. Но вот, перескочив сразу несколько тем, касающихся его работы, флейты, которую, как оказалось, ему прислала молодая рыжеволосая европейка, и его увлечений, Сэтоши зашел на территорию, долго считавшуюся в их семье запретной. После развода Шотаро все упоминания Нэтсуми стали под запретом, но Чиеко всегда прекрасно понимала, что это не спасет от вопросов, которые лишь теперь последовали в ее адрес.

- Что касается твоих интересов, я не знаю, чем ни тебе помогут, но уж точно не помешают, поэтому не вижу смысла от них отказываться. А по поводу твоей матери... Думаю, мне есть, то тебе сказать. Подожди немного здесь.

Чиеко знала, что Шотаро выкинул все фотографии бывшей жены, но сама она сохранила пару снимков для Сэтоши, если ему когда-нибудь захочется узнать о ней побольше. А еще она в тайне от сына, через своих многочисленных знакомых немного выяснила о судьбе красавицы Нэтсуми, поскольку, чтобы защитить свою семью и каждого ее члена в отдельности, должна была быть готова к любому развитию событий. И, похоже, сейчас ее предусмотрительность оказалась очень кстати.

Отсутствовала она недолго, поскольку два снимка и распечатка статьи с одного из

англоязычных сайтов, лежали в тумбочке в ее комнате. Но даже за это короткое время Сэтоши мог начать нервничать или жалеть о заданных вопросах, поэтому Чиеко сразу перешла к делу, не давая ему пойти на попятную.

- Вот, - она протянула первую фотографию, на которой красовалась широко улыбающаяся девушка в свадебном кимоно и немного растерянный, но вполне довольный Шотаро.- Это фотография с их свадьбы. Шо с ума по ней сходил с самой первой встречи, не давал проходу, а она и не знала, как избавиться от его назойливого внимания. Но, в итоге, его настойчивость сыграла свою роль. Уж не знаю, что он там ей сказал или что пообещал, но она согласилась быть с ним и выдержала даже наше с Рэном неодобрение.

Чиеко тяжело было вспоминать то время, поскольку она до сих пор винила себя за лишнюю жесткость, не принесшую никакого результата, кроме потрепанных нервов сына и его невесты, с чего и начались первые проблемы в их отношениях.

- Уж не знаю, любила ли Нэтсуми твоего отца, но тебя она любила точно. - Чиеко протянула второй снимок, на котором мать Сэтоши была запечатлена с годовалым сыном на руках. Она больше не улыбалась, но по тому, как она прижимала ребенка к себе, ясно читались ее чувства и, возможно, уже первые страхи потерять сына навсегда. Что и произошло где-то через полгода после отраженного на фотографии события...

Сэтоши Мотидзуки

Бабушка сначала слушала его молча, а потом попросила подождать и ушла в дом. Ему в какой-то момент показалось, что он не должен был рассказывать о том корпоративе, но после него ему было очень тяжело, как-то паршиво и одиноко. И он не мог до сих пор нормально смотреть в глаза отцу, разговаривать с ним, просто находиться с ним рядом. Он снова стал словно маленьким мальчишкой, которого лишили чего-то важного и с которым никто не мог нормально поговорить. Он не должен был поднимать эту тему, ведь это всегда было под запретом. Но он почему-то сделал это.

Лёгкие шаги вернули его в реальность из мыслей, и он посмотрел на бабушку, которая принесла фотографии. На первой фотографии были его родители. Он бережно взял фотографию, будто она могла рассыпаться из-за его неловких движений, и посмотрел на её лицо. Она была счастлива. Она улыбалась.

- Мама, - тихо, одними губами прошептал молодой человек и очень осторожно притронулся пальцами к её лицу. Он совершенно не помнил её образ, да и голос, которым она пела ему песни, мог быть совсем другим, Он прикрыл глаза, пытаясь вспомнить хоть что-то, хоть маленькую деталь, связанную с ней, но, разумеется, не было ничего. Потому что ему было слишком мало лет, чтобы что-то помнить.

А потом бабушка протянула ему вторую фотографию. Он открыл глаза и посмотрел на лиц своей матери, которая потом его бросила. На этой фотографии она не улыбалась, не была счастлива, а в глазах даже через старую фотографию читался какой-то страх. Понимание. Получается, она знала, что должна их бросить?

- Она ушла не по своей воле? Её вынудили уйти? - спросил он дрожащим голосом, поднимая глаза на бабушку. - Её отец вынудил уйти?

Всю жизнь отец ему говорил, что она сама покинула семью, выбрав что-то другое. Но разве с таким лицом уходят добровольно? Хотя, если бабушка с дедушкой были против их брака, то они могли вынудить её уйти. А он, наследный ребёнок чёртовой империи Мотидзуки, должен был остаться, чтобы впоследствии стать заместителем финансового директора. Но почему никто никогда не спрашивает желание ребёнка? Хотя какие у детей могут быть желания...

Он отвернул голову от бабушки, понимая, что на глаза наворачиваются слёзы, которые он, разумеется, не хочет показывать. Он пока совершенно не представлял, что надо делать.

- Я... могу я оставить у себя фотографию? Вот эту? - он протянул бабушке ненужную фотографию со свадьбы и стал смотреть на её грустное лицо, когда она его обнимала. Кто знает - может она это делала вообще последний раз.

Путеводная Нить

Глядя, с какой нежностью Сэтоши прикасается к изображению своей матери, Чиико почувствовала в груди непривычную тяжесть и сожаление, что не поднимала эту тему раньше. Хотя, наверное, раньше внук не был готов узнать историю своих родителей, поэтому она и ждала так долго и, в глубине души, предпочла бы, чтобы этот тяжелый момент не наступил никогда.

- В их отношениях все было совсем не так просто. - Чиико не удержалась от печального вздоха. - Нэтсуми всегда была вольной девушкой, а Шотаро... Ты же знаешь, как он любит всякие правила. Она хотела продолжить карьеру актрисы, а он - чтобы жена занималась домом и семьей. В конце концов, она решила подать на развод, а Шо... Он поставил ее перед выбором - уходить от него, но без тебя или оставаться и жить на его условиях. Понимаешь, в то время даже если бы она подала в суд по вопросу опеки, у нее не было бы шансов его выиграть. Так что ей пришлось выбирать между тобой и той жизнью, к которой она стремилась. Ну а чем все закончилось, ты знаешь.

Чиико опустила голову. Ей не хотелось, чтобы из-за рассказа о прошлом Сэтоши возненавидел отца или еще кого-то из родных, но он был уже совсем взрослым и имел право знать правду, даже если та причиняла боль и ему, и всем участникам той давней истории.

- Конечно, бери. Я для тебя их и сохранила. - Чиико забрала одну из фотографий, от которой внук решил отказаться. - Только Мизуки не показывай. Она ведь растила тебя, как собственного сына и навсегда останется твоей, пусть и не родной, матерью.

У женщины было, что еще рассказать Сэтоши, но пока она предпочла на время замолчать, давая ему возможность переварить информацию. Хотя о чем-то подобном он должен был давно догадываться, зная нрав своего отца и прекрасно понимая, что фамилия Мотидзуки давала не только привилегии, но и накладывала

определенные обязательства, от которых было не уйти ни одному из членов семьи.

Сэтоши Мотидзуки

Он внимательно смотрел на фатографию женщины, которая до полутора лет была его матерью, и слушал бабушку. Он пытался запомнить каждую чёточку лица с выцветшей фотографии, чтобы никогда больше не забывать её. Он прикрыл глаза и попытался из глубин своего сознания вытащить хоть что-то, но снова ничего не получилось.

- Да, я ничего не скажу матери, - отстранённо прохрипел он и достал из внутреннего кармана пиджака свой паспорт. Фотография с изображённой на ней женщины с маленьким мальчиком спокойно влезла под обложку паспорта, рядом со сложенным письмом от Маргариты. Он подумал немного и закрыл письмом фотографию. Потом убрал паспорт обратно и глубоко вздохнул. - Я знаю, что ей неприятно будет узнать об этом, поэтому я Мизуки-сан ничего не расскажу. Просто... та песня... я даже не думал, что она настолько сильно зацепит меня. Наверное, во мне действительно очень многое есть от неё...

Он горько усмехнулся и тыльной стороной ладони стёр слёзы с глаз. Окинул взглядом садик, полной грудью вдохнул приятный аромат цветов, и слабо улыбнулся. Потом увидел около одного розового куста сорняк. И, поддавшись порыву, встал со скамейки и, подойдя к кусту, выдернул это растение. Вернулся на место и опустил голову, глядя на свои руки, которые вертели это растение. Он не знал, нужно ли ещё что-то говорить, или нужно просто уйти, чтобы вернуться домой и снова сделать вид, что ничего не произошло, что всё в его жизни идёт так как и должно идти. Посидеть за столом с родителями, выслушать недовольную речь отца по поводу его прогула, а потом уйти в свою комнату, где забыть обо всех своих желаниях и снова сесть за отчёты.

- Она... я надеюсь, что она счастлива... и смогла простить его, - вздохнул он.

Он никогда не винил её, что она бросила его. Ему было очень хорошо с Мизуки, он её никогда не называл мачехой, обращаясь к ней как к маме, он старался не вспоминать свою биологическую мать, да и видя, что отец сердится, перестал думать о ней. По крайней мере, ему всегда хватало любви. Просто сейчас видимо всё навалилось одновременно. Но лучше ему до сих пор не стало, и, что самое печальное, он своими разговорами о матери заставил бабушку вспоминать этот неприятный эпизод из жизни семьи Мотидзуки.

- Баа-сан, а ты не знаешь, что с ней стало? Где она? - вырвалось у него, и его щёки налились румянцем смущения.

Путеводная Нить

Со стороны Сэтоши не последовало ни ругани, ни упреков. Вся его фигура словно выражала какое-то тягостное смирение, призванное скрыть бушующие внутри эмоции, отголоски которых можно было увидеть в его печальных глазах. Но сейчас Чиэко мало чем могла ему помочь, ведь не в ее силах было повернуть время назад и убрать этот глупый запрет на общение Нэтсуми со своим сыном, лишившим его возможности узнать родную мать.

- Никто не может теперь сказать о чем она думала тогда и думает сейчас... - Чиэко потянулось за распечаткой статьи о премьере какого-то нашумевшего спектакля, но вопросы внука ее опередили. Конечно же, он хотел узнать о жизни своей матери после их развода с Шотаро, и Чиэко уже в который раз за сегодня мысленно похвалила себя за предусмотрительность.

- Из того, что мне удалось выяснить - Нэтсуми какое-то время жила в США, а потом перебралась в Англию. Там она стала достаточно известной актрисой и вышла замуж, судя по новой фамилии. Вот, - Чиэко протянула распечатку статьи где-то десятилетний давности с фотографией какого-то спектакля, на которой, пусть ее лицо было и непросто разглядеть, мать Сэтоши представляла уже зрелой, уверенной в себе женщиной. - Может, здесь ты сможешь узнать для себя больше. Но, на твоём месте, я бы сильно за нее не переживала. Судя по всему, она нашла свое место и вполне довольна жизнью.

Чиэко понятие не имела, как на самом деле обстоят дела у Нэтсуми, но поскольку проверить это не было никакой возможности, предпочла выдать вполне реалистичную версию, которая должна была хотя бы немного успокоить внука и позволить ему смириться с тем, на что он никак не мог повлиять.

Сэтоши Мотидзуки

Сэтоши молчал и пытался разобраться со всеми этими знаниями. Он не знал, что ему делать, как на все реагировать, но он понимал, что этот разговор должен был произойти. Наверное, если бы не та песня в караоке, которую он неосознанно выбрал, то сейчас бы ничего не было. И он бы, вероятно, не пришел бы к бабушке. И просто бы продолжил работать. Все остальные проблемы и чувства показались не такими важными, как эта проблема. Он никогда не был обделен вниманием, он чувствовал, что его любили, и он был счастлив. Мизуки о нем заботилась, помогала ему, он ей много рассказывал. Она была для него лучшей матерью.

Он задумался о том, как бы сложилась его жизнь, если бы при разводе мать забрала его с собой. Разумеется, все было бы иначе, наверное, он бы уехал в Штаты, и у него никогда бы не было ничего этого. И пусть это была клетка, золотая, но он иногда, особенно в детстве и отрочестве, считал себя самым счастливым человеком.

Бабушка передала ему распечатку какой-то статьи, и он, не читая, а просто задержав взгляд на своей матери, сложил лист в четверо и положил в карман пиджака. Потом вздохнул.

- Я... спасибо тебе, ба, - он никогда раньше не позволял себе неформальное отношение к родным, но в этот раз он не хотел себя поправлять. - И... прости, я не знаю, что на меня нашло. Я... постараюсь найти свой путь в жизни.

Он поднялся со скамейки и помог встать бабушке, хоть и был уверен, что она может отказаться. Но она сама подала ему руку, и он проводил ее до дома. Прощаясь с ней, он поцеловал ее ладонь и, кивнув на прощание Фуэми, покинул дом бабушки.
